стья» В.В. Розанова // Проблемы интерпретационной лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. С. 107–114.

3. Гаврилова Е.И., Выборова Н.А. Скобки как вербализованный знак препинания // Современные проблемы языкового образования: сб. науч. и метод. материалов. Иркутск, 2010. С. 14–26.

4. Гаврилова Е.И. Вставка и включающий контекст: к проблеме синтаксической связи // Формирование филологической компетенции в обучении русскому языку и литературе: материалы XVII Кудрявцевских педчтений. Иркутск, 2009. С. 101–107.

5. Златопольский Ю.М. Интонационная специфика вставных конструкций в русской речи // Филологические науки. 1980. № 4. С. 57–61.

6. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высш. шк., 1990.

7. Перфильева Н.П. Вставки в аспекте дискурсивных категорий [Электронный ресурс] // Man and the Word, issue. 2004. Vol. 6. № 3. С. 27–35. URL: www.ceeol.com.

8. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990.

9. Романова Р.М. Мелодика вводных и вставных предложений в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1971.

* * *

1. Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke. M.: Logos, 2003.

2. Gavrilova E.I. Problema interpretacii vstavok v tekstah «Uedinjonnoe» i «Opavshie list'ja» V.V. Rozanova // Problemy interpretacionnoj lingvistiki: mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, 2000. S. 107–114.

3. Gavrilova E.I., Vyborova N.A. Skobki kak verbalizovannyj znak prepinanija // Sovremennye problemy jazykovogo obrazovanija: sb. nauch. i metod. materialov. Irkutsk, 2010. S. 14–26.

4. Gavrilova E.I. Vstavka i vkljuchajushhij kontekst: k probleme sintaksicheskoj svjazi // Formirovanie filologicheskoj kompetencii v obuchenii russkomu jazyku i literature: materialy XVII Kudrjavcevskih pedchtenij. Irkutsk, 2009. S. 101–107.

5. Zlatopol'skij Ju.M. Intonacionnaja specifika vstavnyh konstrukcij v russkoj rechi // Filologicheskie nauki. 1980. № 4. S. 57–61.

6. Kamenskaja O.L. Tekst i kommunikacija. M.: Vyssh. shk., 1990.

7. Perfil'eva N.P. Vstavki v aspekte diskursivnyh kategorij [Jelektronnyj resurs] // Man and the Word, issue. 2004. Vol. 6. № 3. S. 27–35. URL: www.ceeol.com.

8. Prijatkina A.F. Russkij jazyk: sintaksis oslozhnennogo predlozhenija. M.: Vyssh. shk., 1990.

9. Romanova R.M. Melodika vvodnyh i vstavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. L., 1971.

Insertion and linear character of speech

Insertion is a syntactic phenomenon with no unique interpretation, it requires the multiaspect approach. The essential quality of insertion is its potential to disturb the linear character of speech as a successive one-way process in time and space. Being put in a statement, the insertion disturbs the syntagmatic relations between its elements. It is represented in the intonation, peculiarities of relations and punctuation.

Key words: *syntax, insertion (inserted construction), linear character, spontaneous and prepared speech, intonation, punctuation.*

(Статья поступила в редакцию 11.12.2015)

И.В. ШЕРСТЯНЫХ
(Иркутск)

ОМОКОМПЛЕКС «НИЧЕГО» И ЕГО ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируется состав омокомплекса «ничего», содержится достаточно обширная информация о каждом трансформанте, что позволяет сравнить их между собой, увидеть отличительные особенности функционирования.

Ключевые слова: *омокомплекс, полифункциональность, функциональная омонимия, дискурсивные слова.*

В настоящее время не утрачивает своей научной актуальности проблема системного описания дискурсивных слов, хотя имеется немало работ, освещающих различные ее аспекты. Высокая частотность употребления дискурсивных слов, их функциональная подвижность и активные процессы вовлечения в данный класс все новых и новых полнозначных слов объясняют нахождение их в зоне пристального внимания ученых.

© Шерстяных И.В., 2016

К группе дискурсивных слов лингвисты относят единицы, обеспечивающие связность речи, указывающие на взаимоотношения между говорящим и слушающим, а также передающие отношение говорящего к сказанному. Термин «дискурсивные слова» не имеет однозначного толкования. Существует узкое и широкое понимание дискурсивных слов. В узком понимании дискурсивные слова ограничивают группой вводных слов [8, с. 9]. В широком понимании в класс дискурсивных слов на формальной и функциональной основе объединяют вводные (модальные) слова, модальные частицы и некоторые междометия [4].

Одно из центральных мест среди других языковых единиц русского языка занимает слово *ничего*. Согласно «Русскому ассоциативному словарю», 493 стимула вызвали ассоциат *ничего* [11, с. 528].

Базой для настоящего исследования послужила картотека примеров из «Национального корпуса русского языка» (URL: http://ruscorpora.ru). Объем всего корпуса – 85996 документов, со словом *ничего* корпус содержит 19540 контекстов, что составляет 22%.

Благодаря высокой употребительности в современном русском языке слово *ничего* получило разностороннюю лексикографическую характеристику в словарях русского языка, но характер его представления в разных словарях неодинаков.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой слово *ничего* представлено как омопара, один член которой функционирует как наречие или частица, другой – как отрицательное местоимение [10, с. 410]. При этом первое значение слова *ничего* в функции наречия иллюстрируется примерами, в которых *ничего* выступает как предикатив, однако в словаре у этого слова не отмечается ни роль неизменяемого прилагательного, ни роль слова категории состояния.

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой *ничего* представлено в трехчленном ряду омонимов: 1) наречие в значении ‘довольно хорошо, сносно’; 2) предикатив, употребляющийся для оценки чего-либо как несущественного, не имеющего значения; 3) частица, употребляющаяся при выражении согласия, соответствующая по значению словам ‘ладно, хорошо’ [6, с. 1043].

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой представлен четырехчленный ряд функциональных омонимов *ничего*, включающий два значения наречия (качественное и качественно-количественное), значение предикатива и частицы [7, с. 399].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова показаны примеры функционирования *ничего* как местоимения, наречия, предикатива, частицы [3, с. 652].

В «Объяснительном словаре русского языка» под редакцией В.В. Морковкина зафиксирована омопара *ничего*, включающая отрицательное местоимение и частицу, служащую «для выражения согласия с чем-л., подтверждения справедливости чего-л., невозможности возразить против чего-л.» [9, с. 229].

Даже краткий обзор подачи слова *ничего* в различных словарях позволяет сделать вывод о несовершенстве словарных толкований дискурсивных слов. В лексикографической литературе не дается исчерпывающего описания всех возможных случаев употребления слова *ничего*, представлены разрозненные сведения о функционировании слова *ничего* в составе тех или иных речевых жанров. Эти вопросы можно решить путем всестороннего анализа фактического лингвистического материала. Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы в лексикографической практике при составлении словарей русской разговорной речи, а также для решения проблем перевода, связанных с речеведческим, стилистическим и прагматическим аспектами функционирования слова *ничего*.

Исследуемое слово представляет собой пример полифункционального элемента, явившегося результатом длительного развития русского языка. Слово *ничего* являет собой звуковой и графический омокомплекс (термин В.В. Бабайцевой [2, с. 194]), способный выступать в роли не одной, а нескольких частей речи. Переход слова *ничего* из одной части речи в другую, активно протекающий в современном русском языке, связан с развитием мышления и необходимостью передать новые типы связей и отношений между явлениями действительности. Каждое из значений слова *ничего* обусловлено определенными потребностями выражения мысли.

Можно утверждать, что слово *ничего* являет собой пример внутрисловной антонимии (энантиосемии), поскольку его семантика совмещает противоположные значения: с одной стороны, оценочная характеристика чего-либо как относительно хорошего (*ничего* входит в синонимический ряд ‘*относительно хорошо, прилично, сносно*’), с другой – указание на полное отсутствие чего-либо (*ничего* – член сино-

нимического ряда '*нисколько, ничуть*'). Подобные противоречия внутри значений одного слова возникают в процессе длительного употребления слова в языке, в разных его сферах.

В большинстве случаев слово *ничего* употребляется в функции отрицательно-обобщающего местоимения (как форма род. п. *ничто*). Именно отрицательное местоимение *ничто* в форме род. п. является исходной базой для ряда функциональных омонимов со звуковым комплексом «ничего».

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово *ничего* определяется как праславянское, являющееся формой род. п. местоимения *ничто*, которое, в свою очередь, есть производное от *ни* и *что* [14, с. 76–77].

Как предикатив с оценочной характеристикой чего-либо как относительно хорошего слово *ничего* зафиксировано в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «в сост. сказ.: 'ничего, переносимо, можно терпеть'. *И то б еще* ***ничево,*** *а то такие великие убытки… от того учинилися, и то добре досадно*. Куранты, 1645 г.» [13, с. 386].

На наш взгляд, возможный путь семантического развития слова *ничего* таков: от первоначального в сочетаниях типа *ничего собой не представляет* до современных сочетаний типа *ничего себе*. Языковед М.П. Алексеев в статье, посвященной «особой и своеобразной» истории слова *ничего*, писал, что это «страдательно-терпеливый девиз русского народа», «формула полнейшего наплевательства» или «выражения бодрости, не боящейся опасности и уверенной в лучшем будущем» [1, с. 29–30].

Слово *ничего* обладает яркой семантикой и большой функциональной гибкостью. В смысловой структуре слова *ничего* самой важной является сема оценки, которая по-разному реализуется в функциональных вариантах этой единицы.

Состав омокомплекса «ничего» можно представить следующим образом.

***Ничего*[1] – отрицательное местоимение.**

Наблюдения показывают, что местоименное значение, оставаясь базовым для слова *ничего* исторически, по частотности употребления в языке и речи весьма значительно. *Ничего* в функции местоимения указывает на полное отсутствие предмета речи / мысли: *Я* ***ничего*** *не понимаю, – вздыхает она наконец, – такой ведь был любитель жизни…* (И. Муравьева); *Есть чему удивляться: прочность берестяного туеска поразительна – он не боится* ***ничего,*** *кроме огня* (Н. Щербатов-Коломин).

Выступая в роли прямого дополнения в общеотрицательном предложении, *ничего* в значении родительного отрицания выполняет типичную для местоимения-существительного синтаксическую функцию.

Форма род. п. *ничего* может лишаться собственного грамматического значения и указывать предмет речи / мысли, что типично для формы им. п.: *От добрых рук* ***ничего*** *не уходит* (пословица).

***Ничего*[2] – наречие.**

В речи активно функционирует слово, входящее в омокомплекс «ничего», приобретшее качества, характерные для класса наречий, – обозначение признака действия: *Если не придираться, то снаружи сараюха выглядела очень даже* ***ничего*** (Д. Донцова); *Марья рассказала, что живут они* ***ничего,*** *хорошо, дети (трое) все пристроились…* (В. Шукшин).

Наречие *ничего* частотно в составе жанров одобрения, похвалы, комплимента. Синонимами *ничего* в функции наречия выступают '*хорошо, неплохо, нормально*'.

***Ничего*[3] – предикатив.**

Ничего проявляет свойства предикатива (слова категории состояния, безлично-предикативного слова), если обозначает объективную или субъективную оценку состояния, положения и входит в состав главного члена односоставного безличного предложения: *Кто в шестом, или в четвертом, или в девятом отряде, тем ещё* ***ничего,*** *– можно кузнецом выйти, и столяром, и по мельничному делу* (А. Макаренко); *Разные деревни. Все зависит от жителей. В одних население трудолюбивое, работящее. Там* ***ничего.*** *А в некоторых, верно, одни пьяницы. Там запустение* (Б. Пастернак); *– Заболел, что ли? – Да нет* ***ничего****. – Что уж там* ***ничего****! Еле сидишь! Я же вижу!* (Ю. Домбровский).

Это конструкции с выраженной прагматической направленностью, широко употребляющиеся как в художественной литературе, так и в разговорной речи в составе оценочных речевых актов. В контекстах, кроме *ничего,* обязательно присутствует локатив – *здесь, там* и под. Представляется, что слово *ничего* в функции предикатива со значением посредственной оценки тяготеет на шкале оценки все-таки в сторону хорошей, положительной оценки.

***Ничего*[4] – прилагательное.**

В омокомплекс «ничего» должно быть включено употребление исследуемого слова в роли неизменяемого прилагательного, обозначающего признак предмета: *Если* ***ничего себе*** *парень, то Анечка не пропадёт и своего не упустит* (В. Быков).

Несмотря на свою неизменяемость, слово *ничего* способно проявлять свойства прилагательного: выражать оценку предмета речи / мысли, отвечать на вопрос *какой?;* предикативно сочетаться с именем существительным.

Часто для уточнения значения рядом с *ничего* употребляются другие прилагательные: *Я воротилась к матери, она* ***ничего, добрая,*** *простила меня* (А. Герцен); *Белокурая такая, молоденькая, и с лица* ***ничего, красивая,*** *Феней звали* (И. Бунин); *Поняла, вызвала с этажа какую-то свою помощницу, тоже* ***ничего, интересная*** *собой* (А. Крон); *Мне чуть голову не оторвали, и я* ***ничего: бодр*** *и* ***весел*** (И. Ильф, Е. Петров).

В предложениях *ничего* является именной частью составного именного сказуемого, выступает контекстуальным синонимом к следующему за ним прилагательному. По замечанию И.В. Высоцкой, в подобном употреблении *ничего* – «гибридное образование, совмещающее свойства прилагательного и местоимения (местоименная форма и абстрактная семантика, нередко требующая пояснения)» [5, с. 42].

О широкой употребительности предикатива *ничего* в русской речи свидетельствуют и многочисленные, особенно в говорах и просторечии, производные лексико-грамматические единицы. Так, в современном молодежном жаргоне, преимущественно в мужской речи, употребляется производное от *ничего* «ништяк»: *Он туда залазит, дает мне отмашку, что все* ***ништяк,*** *дверь закрывается – и все* (В. Пелевин); *Все у вас будет* ***ништяк –*** *ты поверь старику* (О. Зайончковский).

Употребляясь в предикативной функции, слово *ништяк* вступает в синонимические отношения со словами положительной оценки '*отлично*, *хорошо*'.

Ничего[5] **– частица.**

Характерная особенность частицы *ничего* заключается в том, что она не является полнозначным словом, не выступает в качестве средства синтаксической связи и функционирует прежде всего на коммуникативном уровне.

Ничего употребляется для выражения согласия с чем-либо, принятия чего-либо, а также для оценки чего-либо как несущественного: *Левин схватился за голову и выбежал из комнаты. –* ***Ничего, ничего,*** *все хорошо! – проговорила ему вслед Долли* (Л. Толстой).

Слово *ничего* может выполнять функции следующих частиц:

1) частица со значением сочувствия, ободрения, утешения: *Учитель, успокаивая, опять ласково погладил по голове: – Ну ничего,* ***ничего,*** *успокойся. Только не бери их с собой в другой раз* (А. Серафимович); **–** ***Ничего,*** *пройдет, – сказал Сергей и отодвинул ногу, когда по ней скользнул мокрый шнур, который доматывала девочка* (Ф. Искандер); **–** *А потом заведу сыну собаку.* ***Ничего,*** *переживём* (Е. Орлова); **–** ***Ничего, ничего,*** *всё образуется! – И в эту минуту ему действительно стало казаться, что всё образуется* (Ю. Домбровский);

2) частица, указывающая на нормативность ситуации: **–** *Идите в спальню, я вам туфли дам. –* ***Ничего,*** *Филипп Филиппович, какие пустяки* (М. Булгаков); **–** ***Ничего,*** *пустяки, все прошло, – повторял он со стыдливой, как будто виноватой, улыбкой* (Д. Мережковский).

В этом значении «ничего»-частица может функционировать как слово-предложение*: Не убрано у меня, конечно, и грязюка страшенная, но… –* ***Ничего, ничего!*** *– ответила она так же обыденно, по-школьному и – вот странность – улыбнулась!* (Ю. Домбровский);

3) частица, акцентирующая, усиливающая отрицание или возражение: *Я люблю читать. – Сказки Андерсена? –* ***Ничего*** *не сказки, а всякие книги.* (Ф. Сологуб); ***Ничего*** *я не большевик, – ответил Невзоров, – если уже на то пошло, я анархист, в смысле идейном...* (А. Толстой); *Ей-богу, сударыня,* ***ничего*** *не длинно, – сказала Мавруша, ползая на полу за барышней* (Л. Толстой).

Акцентирующую частицу можно заменить синонимичными в контексте словами '*совсем, вовсе*';

4) модальная частица, усиливающая угрозу: *Ну,* ***ничего****, мы еще посмотрим, кто кого* (А. Житков); *С человеком едет в поездку, вместе рискуют жизнью, а потом так нагло кидать!* ***Ну ничего,*** *он получит свое* (М. Гиголашвили); ***Ну ничего,*** *мы его все равно найдем!* (В. Аксенов); ***Ну ничего,*** *я их дожму, никуда они от меня не денутся* (А. Берсенева). В модально-экспрессивной функции выражения угрозы слово *ничего* чаще выступает в сочетании с междометием *ну.*

Как видим, слово *ничего* может выступать в роли незнаменательной части речи: быть частицей со смысловым или модальным значением, а также функционировать в качестве нечленимого предложения. Отличить частицу от знаменательных частей речи помогает определение категориального значения: частица лишь вносит дополнительные смысловые оттенки в предложение, не является членом предложения.

Случаи употребления слова *ничего* в функции частицы довольно частотны в русской разговорной речи, что является свидетельством динамики в процессе исторического развития языка. Ведущим стало частное значение слова, которое в настоящее время является для него ядерным.

Ничего[6] **– междометие.**

В той же мере, как частицы, междометия с элементом *ничего* в определенных ситуативных условиях речевых реализаций способны быть выразителями чувств и эмоций: – *У нас нет срочной работы? – едва ли не гневно воскликнул он. –* ***Ничего себе!*** *У нас нет срочной работы!* (А. Солженицын); – *Чего? –* ***Ничего!*** *У меня, что ли, завтра контрольная по математике?* (Е. Павлова).

Регулярность и предсказуемость употребления слова *ничего* в функции междометия в целом ряде речевых ситуаций поддерживаются рядом несвободных сочетаний с более или менее высокой степенью идиоматичности: «***Ничего себе,*** *– подумал Скварыш, – учитель, а бегает в КГБ*» (В. Быков). *Но она оказалась моя двоюродная сестра. –* ***Ничего себе!*** *Да, влип ты* (А. Слаповский).

Согласно «Словарю эквивалентов слова», сочетание *ничего себе* употребляется: 1) в роли наречия. ‘Неплохо, довольно хорошо’. *Она была способная девочка и училась* ***ничего себе;*** 2) в роли сказуемого. ‘Неплохой, довольно хороший’. «*Интересный человек?» – «Да,* ***ничего себе***» [12, с. 170].

На наш взгляд, чаще эмоционально-экспрессивный устойчивый оборот *ничего себе* употребляется в значении возгласа при выражении удивления или недовольства: ***Ничего себе,*** *доктор! – Да что вы, Захар Миронович, вот вам крест, Можар совсем ни при чем* (Д. Рубина); *Димка выпрямился и посмотрел на чемоданы. –* ***Ничего себе,*** *– даже присвистнул он. – Вы что, на целый год приехали?* (А. Геласимов); *Представляешь?! –* ***Ничего себе!*** *– вырвалось у Ладо, на которого эта деталь произвела тягостное впечатление* (М. Гиголашвили).

В подобных контекстах сочетание *ничего себе* сближается по значению с междометным употреблением, осложняется экспрессивной коннотацией.

Как видим, слово *ничего* способно вступать в неразложимые соединения, превращаясь в часть семантических фразеологизированных сочетаний, в компонент грамматических фразеологизмов, характеризуясь низкой степенью отделяемости. Несвободное употребление слова *ничего* обусловлено его грамматическими особенностями.

Итак, частеречный состав омокомплекса «ничего» не ограничивается традиционно включаемыми в него «ничего»-местоимением, «ничего»-наречием и «ничего»-частицей. В состав омокомплекса «ничего» могут быть включены «ничего»-прилагательное и «ничего»-междометие, которые не отмечены в лексикографической литературе. Исходной формой омокомплекса «ничего» является «ничего»-местоимение, в качестве трансформантов в ближнюю периферию функционального поля входят «ничего»-частица, «ничего»-междометие, на дальней периферии поля располагаются «ничего»-наречие, «ничего»-предикатив, «ничего»-прилагательное.

Компоненты омокомплекса «ничего» могут выполнять дискурсивную функцию в определённых речевых жанрах, т.е. обусловлены их прагматическим потенциалом. Слово *ничего* активно употребляется в речи в жанрообразующей функции, обладает высокой фразообразующей возможностью, экспрессивно-эмоциональной окраской, вступает в различные свободные и несвободные сочетания слов. Столь явная полифункциональность слова, наличие множества лексических оттенков, даже в рамках одной грамматической формы, делают слово *ничего* сложным для понимания и правильного употребления при изучении русского языка.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Русское слово «ничего» и его зарубежные интерпретации // Словари и лингвострановедение / отв. ред. Е.М. Верещагин. М., 1982. С. 28–33.

2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.

3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008.

4. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 402–421.

5. Высоцкая И.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «ничего» // Русский язык в школе. 1992. № 2. С. 40–42.

6. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 2001. Т. 1.

7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2004.

8. Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство // Дискурсивные слова рус-

ского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003. С. 8–26.

9. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2003.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Рос. фонд культуры. М.: АЗЪ, 1994.

11. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 2.

12. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Рус. яз., 1991.

13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука: Азбуковник, 1986. Вып. 11.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2003. Т. 3.

* * *

1. Alekseev M. P. Russkoe slovo «nichego» i ego zarubezhnye interpretacii // Slovari i lingvostranovedenie / otv. red. E.M. Vereshhagin. M., 1982. S. 28–33.

2. Babajceva V. V. Javlenija perehodnosti v grammatike russkogo jazyka. M.: Drofa, 2000.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 2008.

4. Vezhbicka A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M., 1978. Vyp. 8. S. 402–421.

5. Vysockaja I.V. Morfologicheskij status i sintaksicheskie funkcii slova «nichego» // Russkij jazyk v shkole. 1992. № 2. S. 40–42.

6. Efremova T.F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: v 2 t. M.: Rus. jaz., 2001. T. 1.

7. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' sluzhebnyh chastej rechi russkogo jazyka. M.: Astrel': AST, 2004.

8. Kiseleva K. L., Pajar D. Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo // Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo. M., 2003. S. 8–26.

9. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly / pod red. V.V. Morkovkina. M.: Astrel': AST, 2003.

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / RAN; Ros. fond kul'tury. M.: AZ##, 1994.

11. Russkij associativnyj slovar': v 2 t. / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva [i dr.]. M.: Astrel': AST, 2002. T. 2.

12. Rogozhnikova R.P. Slovar' jekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva. M.: Rus. jaz., 1991.

13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. / AN SSSR. In-t rus. jaz.; RAN. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova; gl. red. D.N. Shmelev. M.: Nauka: Azbukovnik, 1986. Vyp. 11.

14. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M.: Astrel': AST, 2003. T. 3.

Homocomplex "nothing" and its functions in the modern Russian language

There is analyzed the homocomplex "nothing", given the extensive information on each transform. It allows comparing them and finding out the functioning peculiarities.

Key words: *functional homonymy, polyfunctionality, homocomplex, discursive words.*

(Статья поступила в редакцию 19.01.2016)

Т.А. КОРОТКИХ
(Орехово-Зуево)

О СТИЛИСТИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Проведён лингвистический анализ путей и способов стилистического использования крылатых выражений в современной немецкоязычной прессе, что всегда ведёт к образованию окказиональных, стилистических вариантов, которые при многократном употреблении могут войти в узус языка и пополнить собой фразеологический фонд.

Ключевые слова: *крылатые выражения, стилистическое использование, достижение стилистических эффектов, стилистический вариант, пародирование.*

К «крылатым» традиционно относят слова и выражения, автор или литературный источник которых может быть установлен и которые вошли в широкое и длительное употреб-

© Коротких Т.А., 2016